

Послание Александра
Аристотелю
о чудесах Индии

Среди прочих деревьев Рая нам в первую очередь известны из книг два: древо познания добра и зла и древо жизни. Древо познания добра и зла называется так ввиду производимого воздействия и последствий, ибо, если бы они не пренебрегли наказом, оно открыло бы им познание исключительно добра, ибо оный плод — награда благому послушанию. Но поскольку они пренебрегли, то обрели познание зла. Итак, в нем было и познание добра, которого они не удостоились, и познание зла, которое они заслужили.

Природа же древа жизни такова, что те, кто отведал его плодов, живут намного дольше, и даже после грехопадения. Чего удивляться древу жизни, если среди деяний Александра можно прочесть в его послании к Аристотелю о стране, которой не касалась смерть и где даже дряхлые старцы сами себе устраивают похороны, чтобы умереть, как о том рассказывается в описании Индии. Так, на листьях дерева, растущего у серов, есть пух, употребление которого продлевает жизнь. А Александр писал Аристотелю о жрецах солнца и луны, когда солнце встает и его свет касается вершин деревьев, деревья сотрясаются до самых корней и дают ответ вопрошающим. Александр спросил о своей жене и матери и получил ответ, что умрет, когда вступит в Вавилон. Эти деревья приносят плоды, вкушая которые жрецы живут по четыреста лет.

Гервазий Тильсберийский. Императорские досуги. I, 14.

Индийский тростник толщиной с дерево: его в большом количестве мы видели в храмах. Индийцы говорят, что он бывает мужской и женский. У мужского плотный стебель, у женского — мягкий. Одного выдолбленного колена, если в это можно поверить, крестьянам хватает на изготовление лодки.

Плиний Старший. Естественная история. XVI, 36.

I. Светлейший наставник, самый дорогой мне человек после матери моей и сестер, я постоянно вспоминал о тебе среди тех тягот, которые перенес в сражениях, и, поскольку я знаю, что ты предан искусству философии, решил написать тебе об областях Индии и о разнообразии змей, людей и зверей, которые там обитают, ибо когда человеку становится известно что-то новое, то расцветают его дарования и умножаются познания. Хотя в тебе заключена великая мудрость и твоя ученость всеобъемлюща, однако, поскольку ты любишь меня, я желаю написать тебе о том, что с великими трудами и опасностями, перенесенными македонцами, мне удалось увидеть в Индии, дабы тебе стало известно о деяниях моих и не осталось ничего, о чем тебе было бы неизвестно. Да и достойно все то, что удалось увидеть мне, остаться в памяти [людской]. Я не поверю ни в одно явление на земле, коли прежде не увижу его своими глазами. Удивительна мать-земля, которая породила на свет много добра и много зла, принимающих облик самых разных плодов, зверей и вещей. Если одному человеку и суждено все это увидеть, едва ли случится так, что для каждого явления подберется название, ибо столь они разнообразны. Но прежде всего я поведаю о том, что видел, дабы меня не назвали обманщиком или лжецом. Ты, бывший моим наставником, знаешь естество души моей, [знаешь] о

том, что я всегда держусь прямого пути: меньше говорю, [а больше] делаю. И я надеюсь, и теперь ты поймешь, что рассказываю обо всем этом не ради нашей славы. О, если бы только с меньшими потерями мы смогли познать столь многое, сколько нам познать удалось. Я обращаюсь с благодарностью к юношам Македонии и всему нашему войску, ибо они проявили покорность и меня называли «царем царей». И я знаю, дорогой учитель, что поступило неправильно, если не напишу тебе или матери моей Олимпиаде и сестрам обо всех без исключения сокровищах моего царства, потому как, думаю, и ты, и они сходитесь в том, что именно для меня есть благо, и радуется моей славе.

В предыдущих письмах я сообщал тебе о затмении солнца и луны и знамениях в воздухе, сведения о которых я с великой тщательностью привел в порядок и тебе отправил. И по мере того, как предпринимались новые исследования, я все записывал, дабы ты, прочитав, познал, с какими трудами Александр смог этого достичь.

II. В мае-месяце, после того как на реке под названием Граник Дарий, царь Персидский, потерпел поражение, мы подчинили себе все его земли, поставили над восточными провинциями облеченных нашим доверием людей и обогатились многими сокровищами, как о том я уже сообщал в предыдущем письме. Но, дабы не показаться многословным, не повторяю рассказ о деяниях прошлого, о которых тебе уже известно.

В конце месяца июля мы достигли Фасисской Индии, где с великой стремительностью победили царя Пора. И чтобы это навечно осталось в памяти, мне кажется уместным написать тебе о многочисленности его войска, в котором были, не считая пеших воинов, четырнадцать тысяч восемьсот квадриг, все с серпами, и четыреста слонов, которые несли башни, а в них стояли люди, вооруженные для сражения. И мы

завладели городом Пора и его жилищем, где стояло сорок колонн из чистого золота, с золотыми капителями, и стены этого дворца были сложены из золотых кирпичей, толщиной с палец руки. Так что я во многих местах приказал надпилить их, [чтобы проверить, из цельного ли они золота]. Между колоннами висела золотая виноградная лоза с золотыми листьями, а кисти были из кристаллов, на них висели камни огненные и смарагды, и все помещения во дворце были изукрашены камнями, которые называются жемчужинами, а также перлами и карбункулами. Там были царские чертоги из белой слоновой кости, с потолками из дерева эбен, это темная порода дерева, которая растет в Индии и Эфиопии, своды же были сделаны из кипариса. И снаружи этого дворца стояли золотые статуи и произрастали золотые платаны, в ветвях которых обитали многообразные птицы различных цветов с позолоченными головами и коготками, а в ушах у них висели перлы и жемчужины. Мы обнаружили там множество сосудов из драгоценных камней, кристалла и золота, сосудов же из серебра было мало.

III. Когда все это оказалось в моей власти, я пожелал увидеть внутреннюю Индию и отправился вместе со всем своим войском к Каспийским вратам. Нас удивила эта благодатная страна, и я узнал там много такого, что мне показалось невероятным. В этих самых местах водились различные звери и змеи, и жители этой страны поведали нам, что из-за этих зверей и змей мы подвергаемся большой опасности. Но я желал преследовать и настичь царя Пора, который бежал с [поля] сражения, до того, как он спрячется в безлюдных пустынях, и взял с собою сто пятьдесят проводников, которые знали дорогу. В месяце августе мы отправились в путь под палящим солнцем по песчаным пустыням, я обещал награду тем, кто вел меня по неведомым областям

Индии, если мы живыми и невредимыми доберемся до Бактрии, где обитает народ, который называется серами, и где растут деревья, чьи листья подобны пуху, и жители тех мест собирают оные и делают из них себе одежды. Те же, кто показывал нам дорогу, как я понял, хотели завести нас в гибельные места, в которых было множество змей, зверей и чудовищ.

Когда я понял это, то сказал, что виноват во всем сам, потому как пренебрег советами моих друзей и обитателей страны Каспийской, которые предупредили меня не стремиться завоевать победу подобным способом. Я повелел всем вооружиться. Ибо опасался, что на нас нападут враги и украдут все золото, драгоценные камни и прочие богатства, которые несли с собой мои воины. Они стали настолько богаты, что едва могли нести свою добычу, кроме того, они были весьма отягощены оружием, потому что я велел все оправить золотом, и мое войско сияло, словно звезды. Великим чудом было увидеть подобную армию, ибо и убранством, и мужеством своим она превосходила другие войска. Я же, любуясь моим процветанием, весьма радовался, глядя на славных юношей. Но, как оно порой бывает, когда человек достигает процветания, он лишается чего-то другого, так и мы стали страдать от ужасной жажды. И когда уже не могли выносить ее, один из моих воинов, по имени Зефир, обнаружил в выемке камня воду, он наполнил ею свой шлем и принес мне¹, ибо любил меня больше жизни.

¹ В поздней версии (XIII в.) «Истории сражений» (J3) этот эпизод дополнен драматическим диалогом: «Александр, увидев воду, мудро сказал: „Если эта вода попадет в мой рот, сможет ли придать силы частям тела всех македонцев и персов? Или только один я обрету силы от этого?“ Зефир ответил: „Один ты, повелитель, подкрепишь себя“. Александр сказал: „Если вы все погибнете, то чего ради мне одному оставаться в живых, чтобы горевать, глядя на умирающих македонцев и персов?“»

Я же созвал свое войско и перед лицом всех вылил эту воду на землю, потому что если бы мои воины увидели, что я выпил ее, то стали бы еще больше страдать от жажды. Я воздал хвалу той доброте, которую питал ко мне Зефир, и щедро одарил его. Мой поступок укрепил сердца воинов, и мы отправились дальше.

IV. Пока мы блуждали, в пустынных местах я увидел реку, а по берегу той реки рос тростник высотой в шестьдесят футов и толщиной больше сосны, из него делали доски для постройки хижины. Я тут же приказал разбить лагерь, ибо люди и животные страдали от жажды. Когда же мы захотели напиться воды из реки, она оказалась горькой, как чемерица. А поэтому ни люди, ни животные не могли ее пить безболезненно. Мы печалились в большей степени из-за животных, потому что знали: люди более стойко переносят все напасти. А с нами шли: тысяча слонов, которые несли золото, и четыреста боевых колесниц с серпами, в каждую из которых было запряжено по четыре лошади, и тысяча двести других колесниц, и в каждую из них запряжено по две лошади, двадцать тысяч конных и двести пятьдесят тысяч пеших воинов, около двух тысяч мулов, которые везли необходимое для лагеря и для людей, верблюды одногорбые и двугорбые, и две тысячи быков, нагруженных съестными припасами, и огромное множество быков, коров и скота для еды. На многих лошадях, слонах и мулах была золотая упряжь.

Животные от невероятной жары стали необузданными. Воины лизали железо, пили масло, а некоторые дошли до такого отчаяния, что пили свою мочу. Я был невероятно напуган этим и более тревожился за своих людей, чем за собственную жизнь. Я повелел, чтобы все шло вооруженными, сказав, что те, кого увижу безоружными, будут наказаны, хотя многие удивлялись, какая нужда в том, чтобы вооружаться,

когда никаких врагов нет и в помине. Но мне было известно, что мы должны пересечь места, изобилующие зверями и змеями.

V. Мы проследовали вдоль берега уже упомянутой реки с горькой водою и в восьмом часу дня приблизились к одной крепости, расположенной на острове посреди этой реки и построенной из того самого необыкновенного тростника. Там мы увидели немногочисленных людей, индийцев, которые скрылись тут же, как нас заметили. Я хотел поговорить с ними, дабы они указали мне, где есть вода. Но, поскольку никто из них не появлялся, я велел выпустить по этой крепости несколько стрел, дабы если они не желали выходить по своей воле, то вышли бы из страха. Но они попрятались, испугавшись еще больше. Тогда я послал к острову двести легковооруженных македонцев.

Едва они переплыли четвертую часть реки, как вдруг нам явилась новая напасть. Мы увидели, как из глубины поднялись гиппопотамы, которые своей силой превосходили слонов. Гиппопотами их называют потому, что они наполовину люди, наполовину лошади. Они пожрали македонцев, посланных переплыть реку, а мы смотрели на это и проливали слезы. И вот я, разгневавшись на тех, кто привел нас в эти места, приказал сотню из них бросить в воду. Тогда гиппопотамы полезли из реки, словно муравьи, и пожрали их. Но, дабы не сражаться с этими чудовищами ночью, мы ушли отсюда.

VI. Когда наступил одиннадцатый час дня, мы увидели посреди этой реки людей в круглых суденышках, сделанных из тростника, и спросили их, где можно найти пресную воду. Они же на своем языке ответили, что неподалеку есть озеро и туда отведут нас проводники. Мы проблуждали всю ночь, страдая от жажды, к тому же все были вооружены, поскольку

нас подстерегали всевозможные опасности. Но тут на нас обрушилось новое бедствие: навстречу нам вышли львы, медведи, барсы, тигры и мы сражались с ними до самого утра. На следующий день мы уже были совсем изнурены, когда в восьмом часу добрались до этого озера. Испив пресной воды, я весьма обрадовался, и все войско и животные тоже смогли утолить жажду. Затем я приказал поставить лагерь длиной и шириной по три мили и сжечь камышовый лес, росший по берегам этого озера, которое достигало мили в ширину. Слонов разместили посреди лагеря, ибо так воинам легче было удержать их в повиновении, если кто-нибудь нападет ночью. Потом мы разожгли полторы тысячи костров. Ибо у нас было достаточно дерева.

VII. В одиннадцатом часу протрубили трубы, и я приказал всем воинам ужинать, при этом были зажжены около двух тысяч золотых светильников. Как только на небе взошла луна, стали появляться скорпионы, пришедшие к этому озеру на водопой. Затем начали собираться большие звери и змеи, и они были самых разных цветов: одни красные, другие черные, третьи белые, четвертые золотистые, — и вся земля задрожала от их свиста, и нас охватил великий страх.

По краю лагеря я велел расставить в ряд большие щиты, мы взяли в руки длинные копья и протыкали ими нападавших на нас змей. Некоторых из них мы уничтожили огнем и так выстояли в этом сражении. Змеи напились воды и уползли прочь, а мы весьма обрадовались этому. Был третий час ночи, когда мы уже надеялись отдохнуть, и вдруг появились другие змеи, с гребнем на голове и толщиной с колонну, спустились же они с гор, возвышавшихся неподалеку, и приползли к воде. Они приближались, расправив грудь и надув щеки, а из очей источали яд. Их дыхание было смертоносным. Мы сражались с ними

больше часа ночи¹, и они убили тридцать наших слуг и двадцать воинов. Я призвал македонцев не терять присутствия духа. После того как уползли змеи, появились раки, у которых спины были крепкие, как у крокодилов, и когда мы метали в них копья, то копья наши не пробивали их панцири. Однако многих из них мы уничтожили огнем, а прочие уползли в озеро.

Наступила четвертая ночная стража, и мы собрались отдохнуть, но тут появились белые львы и с громким рыком, потрясая своими гривами, напали на нас. Мы же перебили их, протыкая охотничьими рогатинами. Из-за всех этих напастей в лагере поднялось волнение. После этого появились свиньи удивительной величины и разных цветов, с ними нам тоже пришлось сразиться. Затем появились летучие мыши величиной с сизых голубей, а зубы у них были острые, словно у людей, и они впивались прямо в лица, и некоторые наши воины скончались от ран.

VIII. Между тем вышел некий зверь гораздо сильнее слона, на голове у него было три рога, и на индийском языке этот зверь назывался дендентираном. Внешне он походил на лошадь, а голова у него была черной. Сначала он попил воды, но вдруг, увидев лагерь, стремительно бросился на нас. Я выставил против него македонцев. Он убил из них двадцать четыре [воина], а пятьдесят два человека растоптал. Однако нам удалось убить его. Затем в лагере появились землеройки величиной с лис, покусавшие наших животных, которые умерли на месте. Для людей же их укусы были не опасны. С приближением рассвета прилетели птицы, похожие на коршунов, они были красного цвета, а лапы и носы у них черные. Они не

¹ И светлое, и темное время суток делится на двенадцать частей, или часов, каждое, продолжительность дня и ночи — неодинакова, следовательно, дневной и ночной часы не равны друг другу.

причинили нам вреда, но заполонили весь берег и принялись ловить рыбу и угрей и поедать их. Они не нападали на нас, и мы на них. Я разгневался на проводников, которые привели нас в столь негостеприимные места. И приказал, перебив голени в тех местах, где находятся скакательные суставы, и отрубив кисти рук, бросить их на съедение змеям.

IX. Затем я призвал своих воинов быть мужественными и не отступать. Под звуки труб мы двинулись в путь, ибо, объединившись, варвары и индийцы решились снова воевать против нас. Удача и одержанные победы вселили в моих воинов великую храбрость. Покинув опасное место, мы пришли в земли, изобиловавшие золотом и прочими богатствами, и жители той страны приняли нас благосклонно. Я решил провести там двадцать дней, чтобы дать отдых войску, затем мы за семь дней достигли того места, где уже обосновался Пор.

Он хотел разузнать обо мне и спрашивал моих воинов, где я нахожусь и что делаю. Мои воины ответили ему: «Мы не знаем, чем занимается Александр», — а сами пришли ко мне и рассказали о том, про что их спрашивал Пор. Услышав это, я снял с себя царское платье, облачился в одежды воина и притворился, будто отправляюсь в крепость, чтобы доставить вина и мяса. Увидев меня, Пор приказал подойти и спросил о том, что делает Александр и сколько ему лет. Тогда я, притворяясь, солгал, ответил так: «О годах мне его известно, что старец он и скорее всего сидит у огня, как все старцы». И тогда он возрадовался, ибо ему предстояло вступить в сражение со старым человеком, а поскольку он был юн, то он преисполнился гордыни и сказал: «Неужели он решается воевать с юношей?» На что я ответил: «Чем занимается Александр, мне неизвестно, ибо я — пастух одного из македонских воинов». Он тут же дал мне

письмо, полное угроз, чтобы я вручил его Александру, и за это пообещал наградить меня. Я поклялся ему исполнить это и сказал: «Знай, что твое послание непременно попадет в руки Александру». Еще до того, как сам я, словно на крыльях, возвратился в лагерь, и потом, когда я читал письмо, много смеялся, а поэтому копию письма посылаю тебе, мой наставник, равно как матери моей и сестрам, чтобы вы удивились гордыне и высокомерию этого варвара¹.

X. Я тут же выступил против индийцев и покорил их своей десницей, как того хотел. Но потом возвратил Пору царство, отнятое у него оружием. Он, когда ему неожиданно была оказана такая милость, показал мне свои сокровища, о которых я не ведал и из которых он обогатил меня и моих полководцев и все войско, и, превратившись из врага македонцев в друга, отвел [нас] к столпам Геркулеса и Диониса (Либеры). У крайних пределов востока он поставил золотые изображения обоих богов. Я, пожелав узнать, цельные ли они внутри, продырявил их насквозь и, как увидел, что они целиком отлиты из золота, заделал их тем же металлом, умиловив Диониса (Либеры) и Геркулеса лучшими² жертвами.

¹ В других списках «Послания Александра к Аристотелю о чудесах Индии» приводится содержание этого письма: «Послание Пору Александру. Пор, царь Индии, Александру. Удивлена мудрость наша, что, поправ Персию, старец безрассудно попытался протянуть свою скудную немощную руку к юному Пору и царству Индии, изобилующему всеми богатствами, находящемуся под защитой оружия, выдающемуся своей славой среди прочих царств мира. И поверь, что ни Дария с нами, ни персов с индийцами никоим образом нельзя сравнивать. И поскольку ты потерял в битвах многих своих воинов, мы даем тебе или тем, кто еще остался с тобой, разрешение: или возвращайся назад и прежде всего побереги свои годы, ибо их тебе хватит едва ли, если ты собираешься возвратиться в Македонию, или сдавайся нам в плен, чтобы спасти от поражения свою голову».

² Возможно и другое чтение — «отвергнутыми».

Мы собрались отправиться дальше, дабы увидеть что-либо достойное памяти, но узнали, что там, у Океана, нет ничего, кроме пустынных равнин, лесов и гор, где, как говорят, обитают слоны и змеи. Однако я отправился к морю, желая пуститься в плавание по Океану, опоясывающему со всех сторон круг земной. Местные жители уверяли меня, что там места темные и мелководные и что никто не осмеливался заходить дальше тех мест, которых достигли стопы Диониса (Либеры) и Геркулеса, самых неустрашимых богов. Однако я хочу, чтобы меня считали превыше их, ибо с упорством смертного я собираюсь продлить священные следы, [оставленные богами]. Оказав им почтение и восславив их, я решил исследовать те области Индии, что расположены слева, дабы от меня ничего не укрылось в местах неведомых и чтобы не унижить царя Пору подозрением, что он утаивает какие-либо сокровища и чудеса своего царства.

XI. Когда мы попытались перейти высохшее болото, изобиловавшее камышом, выскочило невиданное чудовище с зубчатой спиной, грудью гиппопотама и двумя головами. Одна из них была подобна голове львицы, а другая подобна голове крокодила, и эта голова, вооруженная огромными зубами, сделав внезапный выпад, убила двух воинов. Этого зверя мы едва сокрушили молотами, ибо копьями его проткнуть не смогли. Долгое время мы удивлялись, насколько он необыкновенный.

XII. Затем мы достигли самых отдаленных лесов Индии. И там, возле реки Буэмар, разбили лагерь длиной и шириной в пятьдесят стадиев. И когда мы приготовились отойти ко сну в одиннадцатом часу дня, прибежали перепуганные фуражиры и дровосеки и сообщили, что из леса на нас идет огромное стадо слонов. Тогда я приказал фессалийским воинам вскочить в седла и взять с собой свиней (ибо нам было

известно, что слоны боятся их хрюканья) и появиться прямо перед слонами. А за ними должны были следовать другие всадники, вооруженные копьями, и трубачи верхом на лошадях, а всем пешим велел оставаться в лагере. Сам же я, отправившись вперед вместе с конницей и царем Пором, увидел стадо зверей, устремившихся на нас с поднятыми хоботами, спины у них были черного, белого и красного цвета, а некоторые были пятнистыми. По словам Пора, если их поймать и приручить, то можно использовать в военном деле, столкнувшись же с ними, их легко обратить вспять, если только свиньи, которых хлещут всадники, не замолчат. И действительно, слоны, придя в смятение, бросились обратно в лес, напуганные звуками труб и хрюканьем свиней. Из них наша конница перебила около девятистот восьмидесяти, и, отрубив бивни, воины с добычей вернулись в лагерь. Тогда я приказал возвести вокруг лагеря забор, сложенный из щитов и панцирей, чтобы ночью на нас не напали слоны или какие-либо другие звери. Однако ночь была тихой, и до самого восхода все предавались сну.

XIII. На следующий день мы отправились в другие области Индии и на открытой равнине увидели мужчин и женщин, тела которых были покрыты шерстью, как у зверей, ростом они были девять футов. Индийцы называют их фавнами, эти люди обитают в болотах и реках, питаются только сырой рыбой и пьют только воду. Когда мы захотели приблизиться к ним, они погрузились в водовороты реки. Затем мы обнаружили рощу, полную огромных кинокефалов, которые попытались напасть на нас, но, отведав стрел, обратились в бегство. И теперь, когда мы вступили в места пустынные, индийцы сообщили, что там дальше нет ничего достойного нашего внимания.

XIV. Собираясь вернуться в Фасис, откуда мы начали свой путь, я приказал изменить направление и

разбить лагерь на расстоянии двенадцати миль от воды. И вот, когда уже поставили все шатры и развели большие костры, налетел восточный ветер и поднялся вихрь такой силы, что он сотряс и поверг на землю все наши сооружения, так что мы пришли в изумление. Четвероногие были встревожены, их обжигали искры и головешки из разметанных костров. И тогда я стал ободрять воинов, объясняя, что это произошло не из-за гнева богов, а потому, что наступали месяц октябрь и осень. Едва собрав военное снаряжение, мы обнаружили место для лагеря в согреваемой солнцем долине, и я приказал всем перейти туда и перенести вещи. Восточный ветер стих, но к вечеру наступил невероятный холод. Вдруг начали падать огромные снежинки, похожие на руно. Опасаясь, как бы снег не засыпал лагерь, я повелел воинам утапывать его. Только мы избавились от одной напасти — ибо неожиданно снег сменился проливным дождем, — как появилось черное облако и на нас посыпался огонь, словно горящие факелы падали с неба, и от этого воспламенилась вся долина. Воины боялись сказать, что это гнев богов обрушился на них, ибо я, человек, попытался отправиться дальше тех мест, где бывали Дионис (Либер) и Геркулес. Я повелел рваными одеждами затушить пожар. Вскоре небо вновь прояснилось, мы помолились, вновь разложили костры и спокойно принялись за кушанья. Три дня мы не видели солнца и над нами проплывали грозные облака. Похоронив пятьсот своих воинов, которые погибли среди снегов, мы отправились дальше.

XV. Мы увидели пещеру Либеры. Нам сказали, что каждый, кто проникнет в пещеру бога, умирает на третий день от лихорадки. Тогда мы отправили туда пропащих людей и обнаружили, что это правда. Я обратился со смиренной мольбой к могущественным богам, прося возвратить меня, царя всего мира, назад в Македонию, к матери моей Олимпиаде. Но понял,

что все просил об этом. Затем я разузнал у индийцев, которые были со мной, осталось ли еще что-нибудь достойное моего внимания, но они ответили, что уже нет. Поэтому мы отправились назад в Фасис.

XVI. Вдруг на нашем пути показались два старца. Когда мы спросили их, известно ли им что-либо в этой местности достойное нашего внимания, они ответили, что им ведомо нечто примечательное и они могут показать мне это, но путь туда займет дней десять, и к тому же он весьма труден, изобилует водными преградами и змеями.

Обрадованный, я спросил старцев: «Что же там такого необычного и восхитительного?» Тогда один из них с радостью сказал мне: «Царь, ты увидишь два дерева: дерево солнца и дерево луны, говорящие по-индийски и по-гречески, и от них сможешь узнать обо всем плохом и хорошем, что ждет тебя в будущем». Это было столь невероятным, что я заподозрил обман и повелел их припугнуть и высечь, сказав так: «Неужели великий царь прибыл с запада на восток для того, чтобы надо мной насмехались дряхлые старики?» Они же поклялись, что в их рассказе нет и капли лжи и я сам в короткий срок смогу проверить, правду ли они говорили. Несмотря на мольбы моих друзей и сотоварищей не поддаваться обману и не ходить туда, я взял с собой тридцать тысяч всадников, а остальное войско во главе с военачальниками, царя Пора и обоз отправил в Фасис. Сам же вместе с отборным отрядом юношей последовал за этими старцами, которые повели нас, как и говорили, по ужасным и неприветливым местам, и наконец мы дошли до этих деревьев. По пути мы повидали множество змей и зверей, о которых не буду тебе писать, ибо все они имеют имена только на языке индийцев.

XVII. Приблизившись к тому месту, куда нас вели старцы, мы увидели нескольких мужчин и женщин,

одетых в шкуры, когда мы спросили у них, что они за люди, они назвались индийцами. Вокруг сказанных деревьев рос густой лес, изобиловавший фимиамом и опобальзамом, которые в большом количестве появлялись в этой роше и которыми обыкновенно питались здешние жители. И вот мы вступили в священный лес и увидели его хранителя: десяти футов высотой, тело черное, зубы собачьи, с проколотыми ушами, из которых свешивались перлы, и он был одет в шкуры. Приветствовав меня, он спросил, зачем я пришел. Я же сказал ему: «Желаю посмотреть на священные деревья луны и солнца». Тут варвар ответил мне: «Если от соития, — говорит, — с мальчиком или женщиной ты чист, то ты можешь вступить в божественную рошу». За мной следовали мои соратники и воины, числом около трехсот. Он приказал, чтобы они сняли кольца, одежды, а также обувь. Мы повиновались и сделали так, как он велел. Был одиннадцатый час дня, и жрец ожидал заката, он утверждал, что дерево солнца говорит и дает ответ, когда его касаются солнечные лучи. А ночью заговаривает дерево луны. Это мне показалось больше похожим на ложь, чем на правду.

XVIII. И вот я начал блуждать по всей роше, а внутри нее были стены невысокой постройки, и видел я замечательно пахнувший опобальзам, который изобильно стекал по ветвям со всех сторон. Завороженный этим запахом, и я отодрал наросты с коры, и мои сотоварищи сделали то же самое. Посреди этой роши произрастали похожие на кипарисы деревья высотой в сто футов. Я удивился им и сказал, что они так разрослись благодаря частым дождям, но жрец уверил меня, что в этом месте никогда не бывает ни дождей, ни зверей, ни птиц и не заползают никакие змеи. Он сказал, что эта роша была посвящена в древности предками индийцев солнцу и луне и деревья выросли благодаря обильным слезам, которыми люди,

орошали их из страха перед могуществом божеств во время затмения луны и солнца. Когда я вознамерился совершить жертвоприношение или заклать жертвенное животное, священник мне это запретил, ибо в том священном месте запрещено воскурять фимиам или убивать животных, но можно поцеловать извивающиеся корни деревьев и помолиться солнцу и луне, чтобы они даровали мне правдивый ответ. Я спросил священника, по-индийски или по-гречески будут говорить деревья. Он сказал так: «Дерево солнца говорит на обоих языках, дерево луны начинает по-гречески, а заканчивает по-индийски».

XIX. После этого мы увидели, как лучи солнца дотронулись до макушек деревьев, и жрец сказал: «Посмотрите все наверх, и кто о каких вещах спрашивать будет, пусть хранит о том молчание и не произносит этого в чем-либо присутствии». Мы попытались разглядеть, не прячется ли среди деревьев сорока или попугай, которые могут разговаривать человеческим голосом. Но, ничего не обнаружив, я стал размышлять о том, суждено ли мне, покорив весь мир, возвратиться с триумфом на родину, к матери Олимпиаде и дорогим сестрам, и тут же по-индийски тонким голосом дерево ответило: «Непобедимый в сражениях Александр, ты будешь единственным повелителем этого мира, но живым не вернешься к себе на родину, ибо Судьбы уже вынесли решение о твоей смерти».

Поскольку я не знал, что за дерево произнесло эти слова, то попросил индийцев, которые были при мне, объяснить, и они сказали мне, что это было дерево солнца. Друзья мои горько заплакали, услышав это, но поскольку я взял с собой трех самых преданных друзей — Пердикку, Диторику и Филоту, то кого мне было опасаться в этом месте, где не дозволено убивать. Мы пошли дальше и стали ожидать вечернего часа, чтобы спросить дерево луны. Но луна никак не

появлялась. Затем мы пришли в священную рощу еще раз и встали рядом с деревом луны, поклонились ему и спросили, где нам суждено встретить смерть. После того как луна залила своим светом макушку, дерево ответило мне по-гречески: «Александр, иссякло число твоих лет. В наступающем году, в месяце мае, ты умрешь в Вавилоне и примешь смерть о того, от кого меньше всех ожидаешь». И тогда я залился слезами, заплакали и сотоварищи мои. Ни одного из них я не подозревал ни в чем подобном, и они скорее были готовы принять смерть ради моего спасения. Когда я возвратился оттуда, моя душа погрузилась в печаль, и я не хотел принимать пищу. Друзья просили меня не убивать себя постом, и вот вопреки своей воле я поел немного и отправился в священное место, чтобы успеть до первых лучей солнца. Ранним утром следующего дня, едва забрезжил рассвет, я поднял полусонных друзей, но жрец, укрывшись звериными шкурами, все еще спал, а перед ним на столе лежали большой кусок фимиама, служившего ему ежедневной пищей, и нож слоновой кости. Они нуждаются в меди, железе и свинце, но золота у них в изобилии. Питаются опобальзамом и фимиамом, пьют воду из чистого источника, текущего с соседней горы, ложатся и спят безо всяких подушек и одеял, а только на шкурах звериных. Живут же они почти три сотни лет. Разбудив жреца, я вошел в рощу в третий раз, чтобы спросить священное дерево солнца, чья рука нанесет мне смертельный удар и какая смерть ожидает мою мать и сестер. Дерево сказало по-гречески: «Если я открою имя того, кто злоумышляет против тебя, уничтожив его, ты с легкостью изменишь судьбу, и разгневаются на меня три мои сестры, Клото, Лахезис и Атропос, ибо правдивым предсказанием спутаю их пряжу. Так вот, через год и девять месяцев ты умрешь в Вавилоне — не от железа, как подозреваешь, не от золота, не от

серебра, не от какого-либо металла, а от яда. Твою мать окладает жалкий и позорный конец, лишенная могилы, она будет валяться на дороге, станет пищей зверям и птицам, а сестры твои по воле богов долгое время будут счастливы. Ты же, хотя у тебя осталось мало времени, станешь повелителем всего мира. Теперь остерегись, не спрашивай нас ни о чем больше, покинь пределы этой рощи и возвращайся в Фасис к Пору». И священник предупредил нас, чтобы мы уходили, ибо вызываем неудовольствие у священных деревьев своими плачами и причитаниями. И тогда я, встретившись со своими воинами, сказал, что в соответствии с ответом мы отправляемся в Фасис к Пору и что будущее нам сулит благоденствие и счастье, о сроке жизни моей я умолчал, дабы не отнять, находясь в чужих странах, у моих соратников надежду на возвращение¹. Честь заставляла моих спутников хранить об этих ответах молчание.

XX. Оттуда мы отправились в долину Иордан, где встречаются змеи, у которых в голове камни, называемые смарагдами. Они обитают на равнине, куда никто не смеет вступать, и по этой причине там стоят пирамиды высотой в тридцать пять футов, построенные древними индийцами. Эти змеи питаются лазерпнием и белым перцем, их глаза источают свет, каждый год весною сражаются между собой, и многие погибают от укусов. Оттуда мы унесли несколько крупных смарагдов.

С великими опасностями мы достигли укрепленного места, где водились неведомые звери с головою свиньи, хвостом льва, парными копытами шириною

¹ В других рукописях послания добавлено: «Вот имена тех, кто вместе со мной слышал голоса [деревьев] и ответы, которые ими были даны: Сермитион, Протесилай, Мистом, Тиофей, Лакон, Тразелеон, Дедит, Макон, Эрокл, Силбр, Сунсикл, Пердикка, Филота и префект претория Коракда».

в шесть футов, которыми они наносили раны людям. Там же были грифы, с головами как у орлов, в остальном же совсем на орлов не похожие, с огромной скоростью они набрасывались на лица людей. Одних воины поразили стрелами, других копьями. Я потерял там двести шесть человек.

XXI. Затем мы подошли к реке, которая течет к Океану, а от одного берега до другого она шириной более двадцати стадиев, и по берегам рос камыш столь высокий и толстый, что один стебель едва могли поднять тридцать воинов. Это место населяло бесчисленное множество слонов, которые — неизвестно почему — не причинили нам никакого вреда. Мы построили суда из камыша и переправились на другой берег реки, где обитали индийцы, одевавшиеся в звериные шкуры. Они поднесли нам губки белые и красные, витые раковины и раковины улиток, в которые вмещалось по два или три конгия (3,275 л. — *Ред.*), а также покрывала и туники, изготовленные из шкур морских тюленей. А еще раковины объемом в один секстарий (0,547 л. — *Ред.*), прекрасную пищу, и червей толщиной больше человеческого бедра, выловленных в этой реке, которые оказались нам вкуснее любой рыбы, и грибы огромной величины, краснее кошенили. Положили они перед нами и мурен весом в двести фунтов, утверждая, что в Океане, находящемся в двадцати трех милях, водятся мурены и больших размеров. А еще рыб [под названием] скар весом в сто пятьдесят фунтов, которых ловят в море вершами из слоновой кости, потому что тростниковые они могут перекусить и для того, чтобы их не украли волосатые женщины, питающиеся рыбой. Когда чужестранцы купаются в реке, эти женщины или затягивают их в пучину и топят, или увлекают в камыши. И поскольку они прекрасны обликом, то тех, кого охватила пылкая страсть, или разрывают, или

любознательными наслаждениями доводят до смерти. Мы схватили двух из них. Их тело было цвета снега, они подобны нимфам, с распущенными волосами.

XXII. Мы видели реку Ганг — весьма удивительную, но о ней я умолчу, чтобы не показаться тебе пустословом. Оттуда мы отправились к крепости, в которой обитают индийцы, их старейшины предостерегли нас и вывели через Каспийские врата в Фасис к царю Пору. Мы же думали, что это вражеская хитрость и старцы дали нам ложный совет. Следуя за дуновением восточного ветра, мы добрались до мест, где обитали звери, из голов которых наподобие мечей торчали острые кости. Эти звери набрасывались на наших воинов и протыкали их щиты рогами. Так они убили примерно девять тысяч четыреста пятьдесят из них. И оттуда, претерпев по пути великие трудности и подвергаясь множеству опасностей, мы прибыли к царю Пору. И там я повелел моему воину по имени Алкон, которого я отправил вперед себя в Персию, поставить в землях Персидских и Вавилонских две мои статуи из цельного золота высотой в двадцать пять футов и записать на них все мои деяния. А также в самых отдаленных пределах Индии, за сотней статуй Либеры и Геркулеса, тот же самый Алкон поставил пять в мою честь, высотой в десять футов.

Это ради грядущих чудес, которые произойдут в грядущие времена, мой светлейший наставник, совершили мы ныне столь великое, невиданное и удивительное и явили пример таких добродетелей, чтобы и у потомков вызывала восхищение моя слава, а ты, наставник, узнал все упорство, стремительность и рвение моего духа.

ЗАКОНЧЕНО ПОСЛАНИЕ АЛЕКСАНДРА
ВЕЛИКОГО, ЦАРЯ МАКЕДОНСКОГО,
ЕГО НАСТАВНИКУ АРИСТОТЕЛЮ.